

правке в войсковые части. Созданные к концу 1918 г. юридические отделы, основным предназначением которых являлась борьба с правонарушениями и преступностью, были выведены из состава канцелярии на правах самостоятельной Следственной части. Переименованию и реорганизации подлежал и отдел формирования и обучения, на основании которого были созданы отдел всеобуча, преобразованный в дальнейшем в отделение спорта и допризывной подготовки [10, л. 5–13; 16, л. 11–12 об.].

Однако, несмотря на проведенные мероприятия, функции военных комиссариатов по-прежнему оставались слишком обширными, а штаты – громоздкими. В июле 1922 г. были введены новые штаты губернских и уездных военных комиссариатов, по которым их численность значительно сократилась. В структуре Витебского губвоенкомата оставались только канцелярия, мобилизационное и хозяйственное отделения, комендантское управление, а список сотрудников уменьшился до 46 человек. Решение вопросов укрепления политико-морального состояния личного состава военкомата и воинских частей гарнизона было возложено на политсекретариат, штаты которого были предусмотрены отдельным приказом [16, л. 12–13]. В последующие годы структура военкоматов продолжала претерпевать изменения, как в организационном плане, так и по содержанию работы [17, л. 7–7 об.; 18, л. 32–33].

С включением большей части Витебской губернии в состав БССР и введением нового административно-территориального деления республики в 1924 г. началась реорганизация Витебского губернского и уездных комиссариатов и формирование новых местных органов военного управления в округах и районах под руководством Нарвоенкомата Белоруссии (с 1 ноября 1924 г. – Белорусский военный комиссариат) [18, л. 77–78 об.]

Таким образом, местные органы военного управления на территории Витебской губернии проделали большой исторический путь. Пришедшие в 1918 г. на смену системе мобилизационных и призывных органов Российской империи военные комиссариаты должны были вести почти всеми вопросами строительства армии, и на них был возложен широкий круг обязанностей. В ходе своего формирования и становления они претерпели значительные преобразования, связанные как с изменением военно-политической ситуации, так и процессом определения оптимальной и наиболее эффективной организационно-штатной структуры новых местных органов военного управления.

1. Воинский учет и бронирование граждан, пребывающих в запасе : специальный учебник / Ю.Л. Колесников [и др.]; под общ. ред. А. В. Иванова. – СПб. : ФГАОУ ВО «СПбПУ», 2017. – 145 с.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 6.
3. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 7.
4. Декрет СНК. О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам от 08.04.1918 г. №413 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/> – Дата доступа: 06.01.2018.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 28.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 9.
8. Государственный архив Витебской области. – Ф. 56. Оп. 2. Д. 1.
9. Приказ РВСР от 28.11.1918 №297/42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkka.ru/> – Дата доступа: 05.01.2018.
10. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 1.
11. Декрет СНК. О порядке преобразования Волостных Военных Комиссариатов в Военные Отделы Волостных Исполнительных Комитетов от 21.03.1921 №135 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/> – Дата доступа: 15.01.2018.
12. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1591. Оп. 1. Д. 2.
13. Зональный архив в г. Полоцке. – Ф. 182. Оп. 1. Д. 30.
14. Иванова, Т. Деятельность государственных органов управления Витебской губернии во время польско-советской войны 1919–1920 гг. / Т. Иванова // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – № 3. – С. 46–50.
15. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 172.
16. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 271.
17. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 592.
18. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 639.

ЛАТЫШИ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ Г. ВИТЕБСКА 1920-Х ГГ.

Г.Н. Яковлева (Витебск, Беларусь)

Латышское население Витебщины играло различную роль в социально-политических процессах в революционный и постреволюционный период. Крестьяне, арендовавшие или купившие земли на Витебщине в 60–80-е годы XIX в. после отмены крепостного права, селились на хуторах, постепенно укоренились в новых местах, упорным трудом превратили свои хозяйства в зажиточные и товарные, сохранили национальные традиции, религию и язык, не принимали участия в революции. Эта часть латышского населения проживала в местах компактного проживания – латышских колониях, наибольшее количество которых было в Лиозненском, Высочанском, Городокском уездах. Вторая часть – это переселенцы или беженцы периода Первой мировой войны. Беженцы – латыши оседали в разных частях губернии. В городе появился латышский беженский комитет и беженский приют. Много латышей было и среди солдат гарнизона, расположенного в городе. Здесь размещались воинские части, мастерские, госпитали и другие предприятия военного характера. Эти латыши по социальному происхождению, как правило, были рабо-

чими, крестьянами-батраками, солдатами-фронтовиками. Среди них было много членов левых партий. Именно они сыграли важную роль в установлении советской власти в городе и губернии. Потом какая-то часть латышей оказалась в регионе и после подавления революционных выступлений в Латвии в 1919 г.

Возникший в Витебске в 1917 г. латышский клуб получил в 1920 г. статус Центрального латышского клуба Витебской губернии. Конечно, он был партийным клубом, центром притяжения латышско-коммунистов, здесь проходили собрания латышских коммунистов, конференции красноармейцев, совещания женщин-делегаток, конференции школьных работников-латышей и т.д. В разное время при нем действовали разные политические кружки, ячейки МОПРа и Осоавиахима, проводившие работу среди латышей. При ячейке Осоавиахима действовал военный кружок, а занятия химического кружка проводились на латышском языке [1, д.118, л.2].

И в тоже время клуб пытался стать местом, где могли удовлетворить свои культурно-национальные запросы и беспартийные латыши, которые могли посещать художественную, музыкальную, театральную, литературную студии при нем. В клубе проводились вечера латышской музыки, ставились спектакли на латышском (например, драма «Марат») и русском языках (комедия «Медведь» А.П. Чехова). Драмстудия только за июль 1920 г. 16 раз собиралась разучивать пьесы [1, оп. 3, д. 29, л. 74]. Создавал декорации для спектаклей театральной труппы латышский художник Я. Тильберг, работавший в конце 1918 – начале 1919 г. в Художественном училище, созданном в городе во многом стараниями М. Шагала. Драматическая студия действовала на протяжении всех 1920-х гг. и неоднократно выезжала в латколонию со спектаклями. В декабре 1925 г. «Заря Запада» извещала, что в Латышском центральном клубе (Замковая, 22) состоится спектакль на латышском языке. «Пойдет «Балсунатбала» – драма из жизни рабочих в 4-х действиях Андрея Упита» [1, д.95, л.16об.].

В помещении клуба проходили многие знаковые культурные мероприятия города. В 76-м номере за 1919 год «Известия Витебского губернского Совета» сообщали: «Сегодня, 5 апреля, в помещении Латышского клуба «Коммунист» (Замковая ул., против театра «Иллюзион») состоится спектакль-концерт-лекция драматического кружка при Союзе коммунистической молодежи. Под режиссерством тов. С. Фейгельсона будет представлен «Вечный странник» в 3-х актах с прологом Осипа Дымова. Слово о пролетарском искусстве скажет тов. П. Медведев». В духе времени горожан успокаивали, что помещение отапливалось [1, д. 42, л. 4об.]. Интересно, что в помещении латышского клуба 11 марта 1920 года состоялось первое выступление хора, созданного стараниями М.В. Анцева. Хор, получивший в феврале статус государственного, во втором отделении концерта-митинга исполнил «Коммунистический Интернационал, Варшавянку, Коммунистическую Марсельезу, 5 белорусских песен, 3 великорусские песни, и большую концертную пьесу Гуно «На реках вавилонских»» [1, оп. 3, д. 29, л.88]. 1 апреля 1920 года здесь праздновал 15-летие своей сценической деятельности один из создателей знаменитого ТЕРЕВСАТА артист Михаил Разумный. 14 апреля того же года в день годовщины смерти основателя эсперанто доктора Заменгофа состоялся большой концерт-митинг с участием лучших артистических сил города и членов общества эсперантистов [1, д. 57, л. 25об., 27об.]. Также проводили в латклубе свои мероприятия члены «УНОВИСа», в мае 1922 г. читал свои лекции «Живописные доказательства» и «Бог не скинут (искусство, церковь, фабрика)» К. Малевич [2, с. 258, 150].

«Заря Запада» сообщала о широком культурном празднестве, 30-31 июля 1927 г. организовывавшемся в Центральном латышском клубе. Мероприятие действительно носило довольно масштабный характер. Его программа была рассчитана на максимальное вовлечение крестьянских масс латколоний, учитывала их интересы. 30 июля вечером предполагался спектакль и массовые гуляния – игры и национальные хороводы. 31 июля должна была состояться агрономическая лекция и спортивные выступления, а вечером – доклад о международном положении, концерт объединенного хора (клуба и хоров красных уголков латколоний). Затем всех вновь приглашали на игры и национальные хороводы. Все два дня в клубе должен был функционировать тир, играть оркестр духовой музыки, летучая газета, выставка стенгазет и выставочный стол [1, д. 110 а, л.51об.].

Бывали в латклубе и другие гости. В январе 1929 года здесь организовали грандиозный вечер студенты Ленинградского латышского педагогического техникума, представив три инсценировки молодежной «Синей блузы» на латышском и русском языках, выступление студенческого хора, оркестра, игры, куплеты и др. [1, д.118, л.13].

Публикации на страницах газет, связанные с латышами, отражают те процессы или события, которые волновали тогда советское общество. Поскольку тогда шли бурные дебаты о новом быте и внедрении советской безрелигиозной обрядности («красных обрядов»), это сказывалось и на интересах коммунистов-латышей. 15 февраля 1924 г. латбюрогубкома РКП(б) извещало о продолжении дискуссии на тему «Формы быта и пути пролетарской культуры» [1, д.93, л.107об.].

Смерть В.И. Ленина сопровождалась массовыми публикациями откликов населения города и губернии. 30 января 1924 г. «Известия Витебского губкома РКП и губисполкома» сообщали о реакции коллектива Лашневской латышской национальной школы (Высочанская волость, Витебский уезд) на смерть вождя. «Коллектив, собравшись в день похорон Ильича, с глубокой скорбью вспоминает о великой утрате Союза Республик и клянется сплотиться еще теснее вокруг поднятого Ильичом коммунистического знамени. Заветы Ильича будут претворены в жизнь» [1, д.93, л. 67об.].

Встречается на страницах витебских газет и информация о Латвийской республике. Однако эта информация, как правило, только политического характера и негативна. Подборка сообщений прессы о Латвии способствовала формированию стереотипов, которые утвердились в представлениях о родине у местных латышей-большевиков. 28 января 1926 г. в латклубе состоялось массовое собрание латышей г. Витебске. «На повестке дня стоял доклад тов. Кревса «О рабочем движении и экономическом состоянии Латвии». Сам тов. Кревс недавно был выпущен из белолатвийской тюрьмы» [1, д. 106, л. 39]. Характерны в этом смысле списки книг и брошюр, рекомендованных Главполитпросветом для выписки в те избы-читальни и народные дома, которые были созданы в местах компактного проживания латышского населения: «Бремя налогов в Латвии», «В застенках латвийской «Демократии», «Получат ли землю батраки в Латвии» и т.д.

Интересна в смысле восприятия стран-соседей как средоточия всего наихудшего статья о проявлениях антисемитизма в среде витебских советских служащих низшего звена. Критикуя делопроизводителя Витебского районного исполнительного комитета, в разговорах не стесняясь, призывавшего «резать жилов», автор статьи, иронизируя, рекомендовал ему на десятом году Советской власти выбрать для своих антисемитских прогулок «закоулок под крылышком Пилсудского, или благословенной Эстонии, или счастливой Латвии, но ни как ни в советском учреждении» [1, д. 106а, л. 81].

В 1927 г. было много публикаций, посвященных подготовке советско-латвийского торгового договора и борьбе различных политических сил и экономических кругов Латвии вокруг его подписания. Причем, позиция реакционных «правых рижских купцов», выступавших против подписания договора тогда отделялась от позиции правительства. Подчеркивалась общая заинтересованность двух стран в экономических контактах. В 1927 г. еще встречаются сообщения о поездках советских рабочих в Латвию и дружеских спортивных встречах советских рабочих с латвийскими рабочими-боксерами, футбольными командами и т.д. [1, д. 110а, л. 56, 68]. Поскольку в конце июля 1927 г. 300 политических заключенных в центральной рижской тюрьме объявили голодовку, то эта тема нашла свое отражение на страницах витебской печати, а в латышском клубе по призыву латбюро состоялась акция солидарности с голодавшими [1, д. 110а, л. 56, 69]. В 1929 г. тональность публикаций становится более жесткой. Положительных или хотя бы нейтрально выдержанных публикаций практически не встречается. «В Латвии голодает 70% населения», «Латвия на пути реакционной диктатуры», «Латвийские политики выполняют задания Пилсудского и английских твердолобых», – таковы, например, заголовки статей или заметок, размещенных на первой странице «Зари Запада» в 1929 г. [1, д. 118, л. 84, 111, 117].

В конце февраля 1926 г. в Витебске в Центральном латышском клубе открылся Всебелорусский съезд крестьянок-латышек, на котором должно было присутствовать около 50 делегатов. Его ход широко освещался в газете «Заря Запада». Приветственная часть съезда строилась на противопоставлении положения трудящихся женщин на Западе, и в частности, в «белой Латвии», и в БССР. Всего в БССР проживало 20317 человек латышского населения, из них до 10000 – в Витебском округе, поэтому здесь и проводился съезд. Интересны данные о социальном составе латышского населения, приводившиеся тогда: 78% хозяйств – середняки, 14 – бедняки, 6% – кулаки, 2% – батрацкие хозяйства. Средняки вели интенсивное сельское хозяйство, применяли многопольный севооборот, травосеяние, корнеплоды, сельхозмашины. Констатировалось, что у латышей преобладают «хорошо поставленные середняцкие хозяйства». Однако на съезде уже звучала идея о том, что хуторские хозяйства латышских колоний достигли своего предела, дальше которого нет развития: либо эти хозяйства застынут, либо объединятся в кооперативные или колхозные хозяйства [1, д. 106, л. 97]. В БССР действовало 8 национальных латышских сельсоветов, 17 латышских школ, 1 детский интернат, который охватывал 790 детей. В латколониях действовало 14 культурно-просветительных кружков, которые охватывали около 450 членов. Отмечалось, что многие латышские крестьяне интересовались новинками сельского хозяйства, посещали сельскохозяйственные кружки, в которых пропагандировалось многополье, мелиорация, машинные товарищества. Расцвет нэпа способствовал определенным положительным моментам в развитии латышских хозяйств.

В «Витебской Крестьянской газете» в июле 1925 г. в статье «ПРИМЕРНЫЙ ХОЗЯИН» (Горбовский сельсовет) автор под псевдонимом «Воевода» так описывал латышского крестьянина, достойного для подражания и белорусам: «Есть в сельсовете крестьянин Югон Янис. Хозяйство его маленькое – 6 десятин, а семья в 10 человек. Тяжелым упорным трудом удалось ему сделать хозяйство образцовым. Он ввел семипольный севооборот. На полях хлеб растет как нигде в сельсовете. Имеющийся у него лесок похож на парк. Все деревья подчищены, в лесу не найдешь ни прутика. Имеются 2 племенные кобылицы, за которые на выставке получена первая премия. Коров имеется дойных 4. По своему удою они первые в сельсовете. *Некоторые несознательные крестьяне никак не могут поверить, что все это достигнуто трудом и думают, что Югон Райнис является колдуном (выделено нами -Г.Я.)*. Как хороший и передовой крестьянин, Янис избран в сельскохозяйственную комиссию и дает много советов крестьянам. Всем крестьянам следует брать пример с этого образцового хозяйства» [1, д. 102, л. 2]. На всебелорусском конкурсе на лучшее крестьянское хозяйство, проводившемся в 1926 году, «за культурное и показательное ведение хозяйства, исследовательский уклон и агрикультурное значение» присуждены дипломы 1-ой степени пяти хозяйствам, в числе которых упоминаются как минимум два хозяина с латышскими фамилиями: Петр Боксбер из деревни Заборье Высочанского района Витебского округа и Петр Бернгард из Боярского сельсовета Полоцкого района и округа [1, д. 106б, л. 69].

II сессия ЦИК БССР (июль 1924 г.) в постановлении «О практических мероприятиях по проведению национальной политики в Белоруссии» подчеркнула необходимость «обеспечить возможность выделения местностей с преобладающим еврейским, польским, латышским и другим населением в самостоятельные единицы, в случае, если таковое выделение не будет резко нарушать основания и системы нового административно-хозяйственного деления республики» [Цит. по: 3, с. 81]. Сессия в постановлении «Об административно-хозяйственном делении БССР», утвердившем новую структуру административно-территориального деления республики, поставила перед правительством задачу «при окончательном определении состава районов и сельсоветов обеспечить возможность выделения местностей с преобладающим еврейским, польским, латышским, литовским и другим населением в самостоятельные административные единицы...» [Там же]. Национальные советы начинают создаваться с конца 1924 г. В 1926 г. в республике уже существовало 8 национальных латышских сельсоветов.

«Заря Запада» в феврале 1929 г. печатала материалы о ходе республиканского конкурса на лучший сельсовет. Участвовал в нем и Уновский латышский национальный совет Лиозненского района. Газета сообщала, что национальный совет обслуживает в основном латышское население пяти населенных пунктов с общим числом населения 769 человек. Время по сравнению с 1925 годом уже очевидно изменилось. По мнению корреспондента, в начале своей деятельности совет работал плохо, т.к. сначала председателем и секретарем были избраны зажиточные крестьяне Веприт и Чандер. Беднота льготами не пользовалась, жалобы либо не рассматривались вообще, либо решались по 3-4 месяца. В результате руководство было снято с работы и отдано под суд. После них в президиум нацсовета опять были выбраны зажиточные крестьяне – Вейин и Прейс, которые, по мнению корреспондента К., никакой работы не вели, срывали кампании и в результате тоже пошли под суд. Только когда в руководство нацсовета был избран член партии т. Лапин и секретарь т. Климан, в состав членов совета вошли бедняки, тогда работа стала налаживаться. Бедняки получили помощь, сельхозналог и страховка поступили без репрессивных мер на 100%, распространены на 1000 рублей займы индустриализации, успешно проведено самообложение. Скорее всего, именно эти меры не хотели активно проводить в жизнь предыдущие члены руководства Уновского нацсовета. Также упоминались мероприятия, которые носили, несомненно, положительный характер и явно характеризовали местное население положительно. «Культурность» местного латышского крестьянства прослеживалась в тех мерах, которые были реализованы, и явно не за последний год. Газета в числе достижений упоминала: 90 % хозяйств переведено на многопольный севооборот, организована пожарная дружина, выбрано санитарно-ветеринарное попечительство, отремонтирована хата-читальня и частично народный дом. При избе-читальне было установлено радио, работало 10 кружков (политические, драматический, хоровой, сельскохозяйственный, кройки и шитья), которыми охвачено 350 человек, открыта латышская школа [1, д. 95, л. 25об.].

Упоминания о наличии определенного антагонизма между латышами и белорусами (или русскими) в деревнях периодически встречались в партийных документах. Стереотипы восприятия друг друга были приблизительно таковы: «Латыши считают русских лодырями, а русские латышей – кулаками». В работу сельских советов латыши втягиваются слабо. «Что я туда пойду говорить с лодырями, все равно меня там считают кулаком и мои мнения будут осмеиваться другими». Латышские крестьяне были уверены в преимуществе хуторов, единстве латышского населения, и даже через 10 лет советской власти не хотели признавать классового расслоения в своих рядах. Это подтверждается частично и тем, что в состав сельсоветов латыши выбирали наиболее трудолюбивых, предприимчивых, а значит, и наиболее зажиточных крестьян.

Материалы витебской прессы позволяют сделать следующие выводы. Латыши-горожане были максимально втянуты в процессы преобразования общества и стремились через латышский клуб влиять на население латышских колоний. Население латколоний было зажиточным, трудолюбивым, смогло использовать новую экономическую политику для сохранения и укрепления хуторских хозяйств. На этапе расцвета НЭПа латышские хозяйства пропагандировались в местной прессе как пример для подражания. Очевидна увлеченность латышского населения хоровым и драматическим искусством, сохранение ими культурно-просветительных кружков, многие из которых возникли еще до революции.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО) – Ф.2289. Оп.2. ДД. 42, 57, 93, 95, 102, 106, 106а, 110, 110а, 110б, 118.
2. Витебск: Классика и Авангард. История Витебского Художественного училища в документах Государственного архива Витебской области (1918-1923) / Сост.: М.В. Пищуленок, Т.М. Свистунова и др. – Витебск: УПП «Вит. обл. типография», 2004. – 336 с.
3. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно- территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с.